

УДК 343.985.2

doi: 10.35750/2071-8284-2021-3-170-177

Олег Николаевич Скоморохов

кандидат юридических наук

ORCID: 0000-0003-4956-0968, 79056781779@yandex.ru

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина

Российская Федерация, 308024, Белгород, ул. Горького, д. 71

Вячеслав Викторович Солодовник

кандидат юридических наук

ORCID: 0000-0003-1157-6737, slaviik_bel@mail.ru

Ленинградский областной филиал Санкт-Петербургского университета МВД России

Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

Особенности использования косвенных доказательств при расследовании убийств «без трупа»

Аннотация: По делам об убийствах «без трупа» наиболее сложной и ответственной задачей следователя и суда является разрешение вопроса о виновности лица, обвиняемого в убийстве, когда событие преступления устанавливается лишь косвенными доказательствами. В этих случаях, несомненно, возникает вопрос, не будет ли обвиняемый осуждён за «убийство» живого человека. Это соображение налагает на следователя дополнительные обязанности с исключительной глубиной исследовать версии о нахождении исчезнувшего в живых, с одной стороны, и о совершении обвиняемым убийства – с другой. Всю классификацию косвенных улик для их использования в доказывании вины обвиняемого при обнаружении трупа и отрицании им своей вины можно разделить на две большие группы: косвенные доказательства, которые не связаны с поведением обвиняемого, и доказательства, связанные с его поведением.

К первой группе косвенных доказательств можно отнести факты, указывающие на убийство потерпевшего и на возможную виновность обвиняемого в совершении убийства. Ко второй группе относятся доказательства, связанные с поведением обвиняемых: поведение преступника, направленное на уклонение его от ответственности за убийство; случаи проявления подозреваемым (обвиняемым) осведомлённости о некоторых элементах механизма преступления и все остальные виды его поведения, которые косвенно свидетельствуют о виновности. В статье проанализированы возможности их использования для получения правдивых показаний от подозреваемого (обвиняемого) и его осуждения судом по делам об убийствах без потерпевшего.

Ключевые слова: расследование убийств, исчезновение потерпевшего, косвенные доказательства, обвиняемый, уничтожение, сокрытие, следы преступления, возбуждение уголовного дела, обнаружение трупа

Для цитирования: Скоморохов О. Н., Солодовник В. В. Особенности использования косвенных доказательств при расследовании убийств «без трупа» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 3 (91). – С. 170–177; doi: 10.35750/2071-8284-2021-3-170-177.

Oleg N. Skomorokhov

Cand. Sci. (Jurid.)

ORCID: 0000-0003-4956-0968, 79056781779@yandex.ru

Belgorod law Institute of the MIA of Russia named after I. D. Putilin

71, Gorkogo str., Belgorod, 308024, Russian Federation

Vyacheslav V. Solodovnik

Cand. Sci. (Jurid.)

ORCID: 0000-0003-1157-6737, slaviik_bel@mail.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Features of the use of indirect evidence in the investigation of murders «without a corpse»

Abstract: In cases of murder «without a corpse», the most difficult and responsible task of the investigator and the court is to resolve the question of the guilt of the person accused of murder, when the event of the crime is established only by indirect evidence. In these cases, the question undoubtedly arises whether the accused will not be convicted of «killing» a living person. This consideration imposes additional duties on the investigator to inquire into the versions about the missing person's presence with exceptional depth, on the one hand, and about the murder committed by the accused, on the other.

The entire classification of indirect evidence for its use in proving the guilt of the accused, when the corpse is not found and defendant denies his guilt, can be divided into two large groups: indirect evidence that is not related to the behavior of the accused and evidence related to his behavior.

The first group of indirect evidence includes facts that indicate the murder of the victim and the possible guilt of the accused in the murder. The second group involves evidence related to the defendant's behavior: the behavior of the criminal aimed at evading his responsibility for murder; cases of the suspect (accused) showing awareness of certain elements of the crime mechanism and all other types of behavior that indirectly indicate guilt.

The article analyzes the possibilities of their use for obtaining truthful testimony from a suspect (accused) and his conviction by a court in cases of murder without a victim.

Keywords: investigation of murders, disappearance of the victim, circumstantial evidence, the accused, destruction, concealment, traces of the crime, initiation of criminal proceedings, nondetection of the corpse

For citation: Skomorokhov O. N., Solodovnik V. V. Features of the use of indirect evidence in the investigation of murders «without a corpse» // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – № 3 (91). – P. 170–177; doi: 10.35750/2071-8284-2021-3-170-177.

На протяжении последних пяти лет число убийств в процентном отношении к общему количеству зарегистрированных преступлений остаётся сравнительно невысоким – от 0,6 до 1,2 % в течение каждого года. Однако убийство, являясь особо тяжким преступлением, связано, как правило, с большим общественным резонансом. В этой связи все силы и средства правоохранительных органов должны быть брошены на раскрытие данного преступления. При этом последние должны принять все необходимые меры, а также провести неотложные следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия по установлению лиц, совершивших данное преступление [10]. Раскрываемость умышленных убийств по сравнению с другими видами преступлений высока: более 80 % ежегодно. Но говорить об успехе в данном направлении работы пока рано, так как имеется множество неопознанных трупов и пропавших без вести граждан, трупы которых впоследствии могут быть обнаружены, нередко с признаками насильственной смерти.

Требования убедительности собранных по делу косвенных доказательств, подтверждаю-

щих виновность обвиняемого, всегда высокие, а по делу об убийстве без потерпевшего дополнительно повышаются. Всякая возможность нейтрального объяснения этих доказательств должна быть полностью исключена, и единственным их объяснением может служить вывод о совершении обвиняемым убийства исчезнувшего. Однако следует учитывать, что описанная выше ситуация не носит исключительного характера.

Основными причинами, по которым труп убитого остался необнаруженным, является: 1) невыяснение причин исчезновения потерпевшего; 2) необнаружение трупа, помешавшее направить уголовное дело в суд, несмотря на наличие в деле достаточных доказательств виновности обвиняемого; 3) существенная неполнота следствия, не зависящая от обнаружения трупа; 4) несвоевременное возбуждение дела и проведение неотложных следственных действий.

Расследование данной категории дел и осуждение виновного всегда было затруднительным [2]. Необнаружение трупа по делу об убийстве бесспорно и существенно затрудняет задачу следователя, однако раскрытие убийства и в этих условиях все же вполне возможно. Так,

в августе 2015 года Коэн был осуждён к 9 годам 9 месяцам лишения свободы по ч. 1 ст. 105 УК РФ. Обвинительный приговор был вынесен при отсутствии трупа и вещественных доказательств [6, с. 287]. Белгородский областной суд 13 февраля 2018 г. вынес приговор М. Саплинову, который признан виновным в убийстве пропавших в г. Старом Осколе Е. Кузьминой и Н. Малаховой, к пожизненному заключению. Трупы пропавших девушек обнаружены не были, однако следствие собрало достаточную доказательственную базу для его осуждения.

В данном случае виновный был осуждён, хотя отрицал всякую причастность к убийству, а трупы потерпевших так и остались необнаруженными. Признать невозможность раскрытия убийства в условиях необнаружения трупа означало бы на деле способствовать уклонению опасных преступников от наказания: убийце достаточно скрыть надёжно труп и упорно отрицать свою виновность, чтобы гарантировать себе безопасность. Основной же довод против осуждения за убийство при необнаружении трупа потерпевшего – возможность того, что уже после наказания осуждённого исчезнувший окажется живым, обладает лишь кажущейся убедительностью. В основном по таким делам при расследовании полностью игнорировалась версия о нахождении исчезнувшего в живых, а розыск его производился не в полном объёме. Подобные примеры приводятся многими авторами в научных источниках [7, с. 108; 3, с. 128–129].

Мы согласны с точкой зрения Г. Н. Мадьюгина и считаем, что ошибки заключаются в неполноте следствия, особенно в игнорировании версии о нахождении исчезнувшего в живых, а также в неправильной оценке косвенных и прямых доказательств [5, с. 117]. Обоснованный вывод о совершении обвиняемым убийства исчезнувшего может быть сделан лишь тогда, когда совокупность собранных по делу косвенных доказательств нельзя объяснить никакой другой, нейтральной причиной; когда все версии, по-иному объясняющие исчезновение потерпевшего, и в первую очередь, версии обвиняемого тщательно проверены и полностью опровергнуты. А. В. Парфенов также считает, что все наиболее возможные причины исчезновения потерпевшего должны быть проверены и по возможности исключены [8, с. 77].

Мы считаем, что изобличать лицо, совершившее убийство «без трупа», необходимо системой косвенных доказательств, и «такой

подход не противоречит принципам справедливости и неотвратимости наказания» [10, с. 344]. Все косвенные доказательства по делам в условиях необнаружения трупа и отрицания обвиняемым своей вины мы можем разделить на две большие группы: 1) косвенные доказательства, которые не связаны с поведением обвиняемого; 2) косвенные доказательства, связанные с поведением обвиняемого.

К первой подгруппе первой группы доказательств можно отнести факты, указывающие на то, что причиной исчезновения потерпевшего явилось его убийство.

Среди фактов, указывающих на то, что исчезнувшего нет в живых, основное место занимают доказательственные факты негативного характера. К числу таких фактов относятся, в частности:

1) отсутствие у исчезнувшего каких-либо причин для тайного отъезда, а также то, что с момента исчезновения потерпевшего никто из его родственников, друзей, соседей, знакомых больше его не видел и никаких известий от него не получал. Сюда так же относят факты, указывающие на насильственный характер смерти: отсутствие причин для самоубийства, а также предсмертной записки; отсутствие данных о смерти от несчастного случая в отделах полиции, больницах, моргах, следственных изоляторах. Все это указывает, что причиной смерти исчезнувшего скорее всего могло быть убийство;

2) вещи и документы, которые потерпевший имел при себе в момент действительного отъезда либо обязательно должен был захватить с собой, если бы уехал, как это утверждали обвиняемые, обнаруживались после исчезновения потерпевшего. По мнению А. В. Парфенова, на факт смерти исчезнувшего указывает обнаружение его документов, одежды и вещей, которые, будь исчезнувший жив, обязательно находились бы при нём [8, с. 76–77]. Доказательственное значение обнаружения документов, вещей, одежды исчезнувшего зависит в каждом случае от характера и количества предметов, с одной стороны, и от обстоятельств исчезновения – с другой. Чем более необходимы и незаменимы были для исчезнувшего предметы, обнаруженные после его исчезновения, чем больше оказалось таких предметов, чем меньше оснований считать, что пропавший мог надолго уехать, судя по обстоятельствам исчезновения без вести, сознательно или случайно не взяв с собой эти вещи, тем с большим основанием из факта обнаружения предметов,

принадлежавших исчезнувшему, может быть сделан вывод о его смерти;

3) при обысках и осмотрах были обнаружены следы совершения или сокрытия убийства, например, пятна крови на одежде исчезнувшего, оставшейся после его исчезновения, или на предметах обстановки по месту его последнего пребывания. Веское доказательственное значение такие следы приобретают, если все возможные нейтральные объяснения их происхождения оказываются опровергнутыми, а кровь в пятнах совпадает с имеющимися данными о генотипе крови исчезнувшего¹. Ещё большее доказательственное значение может иметь обнаружение пятен крови на одежде подозреваемого.

Ко второй подгруппе первой группы доказательств можно отнести факты, указывающие на возможную виновность обвиняемого в совершении убийства:

1) обвиняемый последним оставался наедине с потерпевшим непосредственно перед его исчезновением. Этот факт является одним из условий совершения убийства обвиняемым, а потому может оказаться связанным с виновностью обвиняемого, хотя и не является ни причиной, ни следствием совершения им убийства. Практически обвиняемый, оставшийся последним с потерпевшим, почти всегда объясняет, когда, где и при каких обстоятельствах он в дальнейшем расстался с потерпевшим. Проверка этого объяснения зачастую показывает его заведомую ложность, что делает данное обстоятельство значительно более веским доказательством. Это легко объяснимо. Сам по себе факт совместного пребывания подозреваемого с потерпевшим вполне может не иметь никакого отношения к последующему убийству потерпевшего, совершённого другим лицом, которого никто вместе с исчезнувшим не видел. Однако если к данному нейтральному факту добавляются те или иные доказательства поведения, в частности, заведомая ложь подозреваемого, пытающегося отрицать своё пребывание совместно с исчезнувшим, или ложно объяснить, как они затем расстались, данное обстоятельство превращается уже в более серьёзную улику. Здесь необходимо рассматривать временные и пространственные параметры как единичный преступный акт [1, с. 4];

2) у обвиняемого были обнаружены вещи, принадлежавшие исчезнувшему, и в частности, бывшие при нём в день исчезновения. В отличие от установления корыстного мотива, когда доказывающим обстоятельством служит обнаружение у подозреваемого лишь ценностей либо такого имущества, завладение которым могло стать целью убийства, для доказывания объективной стороны совершённого подозреваемым убийства «без трупа» нередко имеет значение обнаружение у него любых вещей исчезнувшего, хотя бы и не имеющих никакой материальной ценности. Разумеется, данный факт приобретает значение косвенного доказательства лишь потому, что мог явиться последствием совершения подозреваемым убийства исчезнувшего. Наряду с этим объяснением могут естественно существовать и другие, обычно предлагаемые подозреваемым для разъяснения того, как и почему у него оказались вещи исчезнувшего. Поэтому такого рода обстоятельство становится уликой лишь при условии, если все остальные объяснения исключены, чаще всего, когда обнаружение вещей исчезнувшего у подозреваемого опровергает версию, ранее выдвинутую последним об обстоятельствах исчезновения потерпевшего. Однако если подозреваемый и исчезнувший жили вместе, то наличие в их доме вещей исчезнувшего далеко не всегда изобличает подозреваемого в убийстве исчезнувшего и, как уже отмечалось, может иногда свидетельствовать лишь о смерти последнего;

3) обвиняемый был заинтересован в смерти потерпевшего, имел личные или корыстные мотивы для убийства. Как обычно по делам об убийстве, мотив преступления по делам анализируемой категории чаще всего устанавливался такими косвенными доказательствами, как характер взаимоотношений и наличие заинтересованности обвиняемого в смерти потерпевшего либо обнаружением у обвиняемого денег, ценностей, одежды и другого имущества, похищенного у потерпевшего.

Косвенные доказательства, составляющие вторую группу, связаны с поведением обвиняемых. Их можно разбить на подгруппы в соответствии с принятой классификацией доказательств поведения. Любое поведение обвиняемого до и после совершения преступления может иметь криминалистическое значение [5, с. 122]. Все формы и виды поведения того или иного лица, возможно, свидетельствующие о причастности его к совершению преступления, отличаются одной специфической особенностью: все они неразрывно связаны с конкретной личностью,

¹Черненко М. Д., Кундетов А. И. Методика раскрытия и расследования убийств : научно-практическое пособие. – Москва: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2017. – С. 49–52.

и потому определение многих других фактов указывает следственным подразделениям на человека, выдающего себя своим подозрительным поведением. Доказательства поведения обычно оказываются основанием для выдвижения версии о виновности конкретного лица в совершении расследуемого преступления. Но доказательства поведения могут служить и средством проверки версий, представляя собой обычные доказательственные факты, подтверждающие или опровергающие правильность выдвинутых версий. Одни доказательства поведения могут быть более, а другие менее убедительными, в зависимости от характера того или иного доказательственного факта, его связи с другими фактами и прежде всего от степени вероятности его причинной связи с преступлением. Как и всякое косвенное доказательство, улика поведения тем убедительнее, тем весомее, чем труднее её объяснить нейтральными причинами и, соответственно, вероятнее, что она могла быть вызвана лишь причастностью обвиняемого к преступлению. Но из того, что одни доказательства поведения могут оказаться более, а другие менее вескими, вовсе не следует, что все они в целом уступают в своём доказательственном значении остальным видам косвенных доказательств. Улика поведения равноправна с другими косвенными доказательствами в возможности установления ими как события преступления, так и виновности обвиняемого.

По делам об убийстве «без трупа» удельный вес доказательств поведения значительно выше, чем по другим делам об убийствах. Объясняется это тем, что наибольшее количество и разнообразие улик поведения наблюдается по тем делам, где преступником является лицо, связанное с потерпевшим. Поэтому именно по делам об убийстве «без трупа» улики поведения играют столь важную роль, встречаясь много чаще других видов косвенных доказательств, в частности, следов и вещественных доказательств, имеющих обычно первостепенное значение по делам об убийстве «с трупом».

К первой подгруппе второй группы мы можем отнести все виды поведения, направленного преступником на уклонение от грозившей ему ответственности за убийство. Их объединяет общая причина – своеобразная защитная реакция преступника на содеянное. Если преступник решает уклониться от наказания, то он добивается этого всяческими способами. Такое «защитное» поведение проявляется преступником после того, как ему становятся известными подозрения следственных органов о его причаст-

ности к преступлению. Но и до этого момента он обычно стремится скрыть содеянное от окружающих, а иногда принимает аналогичные меры ещё до совершения преступления. Пытаясь наиболее правдоподобно объяснить последствия преступления, преступник нередко придумывает все новые версии, даже не замечая, что они друг другу явно противоречат. Неудивительно, что подобное поведение, как неестественное для невиновного человека, вызывает подозрения у окружающих и у следователя. Если же в дальнейшем оказывается, что никакие нейтральные причины не могли вызвать подобное поведение, оно приобретает доказательственное значение, становится уличающим обстоятельством, превращается в улику поведения.

1. Ложные показания, объяснения, заявления и другие высказывания обвиняемого, касающиеся отдельных моментов дела и представляющие законченные версии, – самый распространённый способ сокрытия истины. Ложь обвиняемого встречается как в процессе расследования дела, например, при допросах, так и вне его рамок – в частных разговорах, письмах и т. д. Следует иметь в виду, что не всякая ложь обвиняемого, даже направленная на то, чтобы уклониться от ответственности, может иметь доказательственное значение. Совершенно очевидно, что ложное отрицание обвиняемым своей виновности никак не может послужить изобличающим его доказательством. Доказательственное значение может иметь лишь ложное отрицание обвиняемым изобличающих его доказательственных фактов, а также ложное утверждение о существовании вымышленных им оправдывающих обстоятельств. Таким образом, ложь, как и всякая косвенная улика, становится доказательством лишь в силу обоснованного предположения о причинной связи между нею и виновностью лица, обвиняемого в убийстве. Такое предположение, скорее всего, возникает, когда обвиняемый лжёт по поводу нейтральных, «безобидных» фактических обстоятельств, отрицать которые невиновному человеку не имело бы никакого смысла. Если он не виновен, то ему незачем, казалось бы, отрицать нейтральные сами по себе факты. Отсюда и рождается логическое предположение о том, что наиболее вероятная причина лжи обвиняемого – его желание уклониться от ответственности за совершённое преступление. Особенно чётко выражается ложь обвиняемого в случаях, когда им заведомо выдвигается законченная версия утвердительного характера. Такие версии, главным образом о причинах исчезновения потерпевших, выдви-

гались почти всеми обвиняемыми. Ещё более резко проявляется ложь, если по одному и тому же вопросу обвиняемым выдвигается не одна, а последовательно несколько взаимоисключающих версий утвердительно характера: по мере того, как одна версия оказывается опровергнутой следователем, обвиняемый сразу же предлагает ему другую.

2. Создание обвиняемыми искусственных доказательств также встречается по уголовным делам. Это объясняется тем, что преступник как уже привлечённый в качестве обвиняемого, так и ещё не заподозренный следственными органами, обычно стремится чем-либо подкрепить выдвигаемую им ложную версию. Для этого он с помощью специально им созданных источников доказательств стремится подтвердить факты, наличие которых могло бы привести следственные органы к ошибочному выводу. Так, по делам об убийстве «без трупа», совершённым близкими потерпевшему лицами, последние зачастую стремятся доказать, что никакого убийства не произошло, и с этой целью создают искусственные доказательства, что исчезнувший жив. Среди них встречается иногда подговор свидетелей к даче заведомо ложных показаний, подтверждающих вымышленные преступником обстоятельства, в частности, их встречи с потерпевшим, после его исчезновения, или обстоятельства его «ухода» из дома. Сюда же следует отнести отправку преступником анонимных писем следственным органам и отдельным лицам. Хотя такие письма и не служат, как известно, доказательством, но целью их направления всё же является заведомо ложно доказать невиновность преступника. Как правило, в таких письмах содержатся ложные указания на причастность к преступлению третьих лиц или приводятся факты, опровергающие само событие преступления и нейтрально объясняющие его последствия.

3. Уничтожение и сокрытие следов преступления и вещественных доказательств является самым специфичным из доказательств поведения данной группы. Для противодействия расследованию рассматриваемой категории преступлений преступником применяется уничтожение и сокрытие трупа потерпевшего [9, с. 51]. Весомый доказательственный характер таких действий, в случае их выявления, объясняется тем, что данные действия противоречат общепринятым ритуальным правилам захоронения покойных, следовательно, причина их совершения не может быть не связана с при-

частностью к убийству потерпевшего. Придумать другую причину будет довольно проблематично. Кроме того, представляют интерес часто встречающиеся при расследовании убийств «без трупа» действия преступника, направленные на сокрытие и уничтожение предметов одежды, личных вещей и документов потерпевшего, а также маскировка следов убийства на месте его совершения и на месте сокрытия или уничтожения трупа [4, с. 56–62].

4. Прямое уклонение от следствия и суда, хотя и не специфично для дел анализируемой категории, однако встречается по ним в самых различных видах. Это тайная перемена местожительства; изменение фамилий; симуляция различных физических и психических заболеваний.

Ко второй подгруппе второй группы могут быть отнесены случаи проявления подозреваемыми или обвиняемыми своей виновной осведомлённости о событии преступления или обстоятельствах его совершения. Какие именно обстоятельства оказались ему известными, неважно для оценки доказательственного значения его виновной осведомлённости. Иногда это может быть факт смерти исчезнувшего, иногда способ совершения убийства, иногда различные обстоятельства преступления – время, место, обстановка и т. д., а в других случаях обстоятельства, связанные с сокрытием убийства.

Вместе с тем существенно, что доказательством осведомлённости подозреваемого лица о любых обстоятельствах, связанных с преступлением, становятся факты лишь при наличии двух условий. Первым и основным из них является то, что допрашиваемый мог узнать об обстоятельствах преступления только вследствие своей причастности к преступлению. В противном случае осведомлённость теряет свой виновный характер, а вместе с ним и доказательственное значение. Так, осведомлённость подозреваемого о гибели потерпевшего теряет всякое доказательственное значение после того, как труп его будет обнаружен и это станет известно другим лицам. Ещё одно условие – объективная правильность сведений, сообщённых обвиняемым, соответствие их остальным, установленным по делу обстоятельствам. Во избежание ошибок, иногда приводящих к безрезультатности следствия, лицо, производящее расследование, прежде чем рассматривать осведомлённость подозреваемого (обвиняемого) как косвенное доказательство, должно проверить наличие обоих названных условий. Следует иметь в виду, что иногда вопрос о виновном характере проявлен-

ной обвиняемым осведомлённости приобретает самостоятельный характер. Такие случаи возникают при отказе ранее сознавшегося обвиняемого от своих первоначальных показаний, например, когда он объясняет свои прежние показания об определённом обстоятельстве, связанном с преступлением, тем, что о данном обстоятельстве он узнал от какого-нибудь постороннего лица либо даже от сотрудников правоохранительных органов.

По признаку психического отношения обвиняемого к проявлению им своей виновной осведомлённости случаи проявления подразделяются на два вида: сознательное, то есть умышленное, и бессознательное, то есть неосторожное проявление.

Для первого вида характерно сообщение признавшим себя виновным преступником подробностей совершённого им убийства, в частности, указание места сокрытия трупа. В нашей ситуации анализируются случаи изобличения преступников, отрицавших свою виновность, поэтому сознательное проявление обвиняемым виновной осведомлённости по рассматриваемым нами делам никогда не встречаются. Второй же вид – бессознательное проявление обвиняемым своей виновной осведомлённости – встречался по уголовным делам очень часто и в самых различных формах. Чаще всего это случается после убийства, но иногда ещё до его совершения. Во всех случаях осведомлённость касалась факта смерти потерпевшего.

1. Проявление обвиняемым осведомлённости о смерти потерпевшего вопреки собственной версии о нахождении исчезнувшего в

живых. Такого рода виновная осведомлённость может проявляться в виде поступков и путём отдельных высказываний.

2. Проявление обвиняемым предварительной осведомлённости о предстоящей смерти потерпевшего встречается значительно реже и представляет собой в зависимости от степени выраженности вовне либо приготовление к убийству, либо проявление преступного умысла. Такая предварительная осведомлённость выражается обычно в конкретных поступках, но иногда и воздержаний от их совершения.

К третьей подгруппе второй группы можно отнести все остальные виды поведения подозреваемого или обвиняемого, косвенно свидетельствующие о его виновности. Они носят самый различный характер. Чаще всего это такие действия или высказывания, из которых вытекает сознание подозреваемым своей виновности. Доказательственное значение такого поведения меньше, чем улики поведения, отнесённых к первым двум подгруппам.

Таким образом, косвенные улики существенно помогают доказать вину обвиняемого в совершении убийства человека при отсутствии трупа и непризнании им инкриминируемого ему деяния. Все косвенные доказательства по делам рассматриваемой категории можно классифицировать на две группы: косвенные доказательства, не связанные с поведением обвиняемого, и доказательства, связанные с его поведением. В свою очередь группы подразделяются на подгруппы для более эффективного их применения при проверке версий по делам при отсутствии трупа потерпевшего.

Список литературы

1. *Алехин Д. В.* Обстановка совершения убийств, связанных с безвестным исчезновением потерпевшего // *Российский следователь.* – 2014. – № 22. – С. 3–6.
2. *Архипцева А. Н., Китаев Н. Н., Китаева В. Н.* Исторический анализ проблем расследования убийств «без трупа» // *Закон и право.* – 2019. – № 6. – С. 143–146.
3. *Боровиков А. П.* Особенности получения криминалистически значимой информации по делам об убийствах, при которых труп потерпевшего не обнаружен или был уничтожен // *Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации.* – 2019. – № 2. – С. 127–132.
4. *Бурынин С. С.* Убийство «без трупа»: тактика расследования // *Уголовный процесс.* – 2019. – № 7. – С. 56–62.
5. *Мадьюгин Г. Н.* Расследование убийств по делам, возбуждённым в связи с исчезновением потерпевшего. – Москва: б. и., 1967. – 132 с.
6. *Матинян Г. А.* Особенности расследования убийств без трупа // *Молодой учёный.* – 2020. – № 46. – С. 286–288.
7. *Мешков В. М.* Расследование убийств в некоторых типичных ситуациях // *Союз криминалистов и криминологов.* – 2019. – № 2. – С. 100–111.
8. *Парфенов А. В.* Некоторые особенности расследования убийств, связанных с безвестным исчезновением граждан // *Труды Академии управления МВД России.* – 2011. – № 3. – С. 75–77.

9. Трубчик И. С., Галкин Д. В. Особенности расследования убийств «без трупа» // Российский следователь. – 2015. – № 11. – С. 50–54.

10. Трубчик И. С., Галкин Д. В. Сбор доказательств по уголовным делам об убийствах прошлых лет в ситуации, когда труп потерпевшего не обнаружен // Библиотека криминалиста. – 2016. – № 6. – С. 344–348.

References

1. Alekhin D. V. Obstanovka soversheniya ubiystv, svyazannykh s bezvestnym ischeznoeniem poterpevshego // Rossiyskiy sledovatel'. – 2014. – № 22. – S. 3–6.

2. Arkhiptseva A. N., Kitayev N. N., Kitayeva V. N. Istoricheskiy analiz problem rassledovaniya ubiystv «bez trupa» // Zakon i pravo. – 2019. – № 6. – S. 143–146.

3. Borovikov A. P. Osobennosti polucheniya kriminalisticheski znachimoy informatsii po delam ob ubiystvakh, pri kotorykh trup poterpevshego ne obnaruzhen ili byl unichtozhen // Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii. – 2019. – № 2. – S. 127–132.

4. Burynin S. S. Ubiystvo «bez trupa»: taktika rassledovaniya // Ugolovnyy protsess. – 2019. – № 7. – S. 56–62.

5. Mad'yugin G. N. Rassledovaniye ubiystv po delam, vzbuzhdonnym v svyazi s ischeznoeniem poterpevshego. – Moskva: [b. i.], 1967. – 132 s.

6. Matinyan G. A. Osobennosti rassledovaniya ubiystv bez trupa // Molodoy uchonyy. – 2020. – № 46. – S. 286–288.

7. Meshkov V. M. Rassledovaniye ubiystv v nekotorykh tipichnykh situatsiyakh // Soyuz kriminalistov i kriminologov. – 2019. – № 2. – S. 100–111.

8. Parfenov A. V. Nekotoryye osobennosti rassledovaniya ubiystv, svyazannykh s bezvestnym ischeznoeniem grazhdan // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2011. – № 3. – S. 75–77.

9. Trubchik I. S., Galkin D. V. Osobennosti rassledovaniya ubiystv «bez trupa» // Rossiyskiy sledovatel'. – 2015. – № 11. – S. 50–54.

10. Trubchik I. S., Galkin D. V. Sbor dokazatel'stv po ugolovnym delam ob ubiystvakh proshlykh let v situatsii, kogda trup poterpevshego ne obnaruzhen // Biblioteka kriminalista. – 2016. – № 6. – S. 344–348.

Статья поступила в редакцию 05.02.2021; одобрена после рецензирования 19.08.2021; принята к публикации 14.09.2021.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the article.